

В. В. КОЛЕСОВ

ФОНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ФОНЕТИЧЕСКИХ
 ДИАЛЕКТНЫХ ПРИЗНАКОВ

Памяти академика

Виктора Максимовича Жирмунского

Описание диалекта на данном этапе развития диалектологии требует последовательного разграничения явлений языка и речи, явлений продуктивных и непродуктивных, явлений центральных и периферийных, функционально важных и второстепенных. Только такое описание позволит адекватно представить диалектную систему как целое, а не некий набор экзотических «диалектных черт». Сложность описания такого типа увеличивается в связи с необходимостью учитывать факторы междиалектного общения и интенсивного воздействия на говоры со стороны литературного языка. Эта проблема неоднократно обсуждалась¹. Сделаны удачные попытки классификации диалектных различий, в частности звуковых². Однако для некоторых типов исследования результаты подобных работ оказываются недостаточными.

Если подходить к изучению диалекта с точки зрения его места в составе национального языка, то оказывается необходимым в конкретной диалектной системе разграничивать основные диалектные и вторичные диалектные признаки. Такое разграничение позволит глубже понять специфику и динамику диалектной системы.

Предварительно различие между основным и вторичным диалектным признаком можно сформулировать следующим образом. Основной признак характеризует конкретную диалектную систему как замкнутое целое, не затронутое внешними воздействиями. В этой системе имеются некоторые типы фонологических противопоставлений, основанные на определенных фонетических коррелятах. Вторичный признак возникает на основе столкновения диалектной системы с качественно иной системой и отражает промежуточный этап субституции нового фонологического противопоставления диалектными фонетическими средствами. На этом временном противоречии между фонологическим отношением и фонетическим выражением строятся все фонемные преобразования диалектной системы. Из основных признаков складывается стабильная часть преобразующейся системы, вторичные признаки составляют ее динамическую часть. Последующее изложение позволит пояснить и уточнить это определение.

¹ См.: Р. И. Аванесов, Вопросы фонетической системы русских говоров и литературного языка, ИАН ОЛЯ, 1947, 3; А. Н. Гвоздев, К вопросу о влиянии междиалектного общения на фонетические системы русских говоров, ИАН ОЛЯ, 1948, 3; В. Г. Орлова, Т. Ю. Строганова, Закономерности развития диалектов русского национального языка, ИАН ОЛЯ, 1961, 5, и др.

² См. коллективный труд «Вопросы теории лингвистической географии» (под ред. Р. И. Аванесова), М., 1962.

Правда, при этом возможны некоторые технические затруднения, связанные с тем, что диалектная система обычно изучается не изолированно, а исходя из представлений исследователя о соответствующих литературных явлениях. Примеры заблуждений, связанных с этим, хорошо известны. Длительное время считалось, например, что севернорусское изменение /а > е/ в положении между мягкими согласными всегда является позиционным (произношение [з'ѣт'] «зять», [гр'ѣс'] «грязь» и под.). Слушая диалектную речь, диалектолог фиксировал только те изменения, которые он мог уловить, исходя из осознаваемых им различий его собственного (литературного) произношения. Таким образом, диалектологами отражались лишь некоторые особенности диалектной речи, каким-то образом связанные с возможностями эталонной литературной системы. В данном случае упрежденная и повышенная артикуляция /а/ возможна в литературном произношении, но только под ударением между мягкими согласными; лишь в этой позиции и записывается диалектное /ä/ как [e] (и как [ä] и как [æ]). Последние работы хорошо показывают своеобразие севернорусской фонемы /ä/ и ее отличия от русского литературного эквивалента во всех позициях³. В другом случае севернорусское [e°] воспринималось⁴ и записывалось как /о/ — на том основании, что вместо диалектного [н'ѣс] наблюдатель слышал свое собственное [н'ѣс]. В приведенных примерах [з'ѣт'] представляет собою неточное отражение диалектного признака (фонема /ä/ наряду с фонемой /а/), а [н'ѣс] — искаженное и ошибочное толкование диалектного признака. Первое затушевывает реальное соотношение фонем в говоре, тогда как второе приписывает говору несуществующие отношения.

Вторичные признаки обычно возникают на основе столкновения диалектной системы с литературной или инодиалектной системой как результат некоторых расхождений между ними. Это хорошо известно «наличие таких членов соответственного явления, один из которых является в собственном смысле диалектным, другой — свойственным не только диалектам, но, что особенно важно, и литературному языку. С точки зрения генетической, это может быть результатом влияния литературного языка... или результатом взаимодействия диалектов»⁴. Приводимый пример (фонема /г/ литературного языка соответствует /г/ в северных и /г/ в южных говорах) — это только самый простой и бесспорный случай, связанный с наличием в контактирующих системах двух эквивалентных фонем, которые отличаются друг от друга признаком, нерелевантным для них. Возможное преобразование системы не должно здесь встретиться с особыми затруднениями.

Все значительно усложняется там, где такое преобразование связано с отработкой нового (или утратой старого) различительного признака, а также с изменением позиционного разграничения. На конкретном примере удобно показать возникающие при этом сложности.

Характерной особенностью среднерусских говоров на всей территории их распространения является палатализованная фрикатива после взрыва, т. е. произношение типа [г'с'и] *хо*, [д'з'ен'] и т. д. Взрывной элемент здесь преобладает, определяя характер звучания, и имеет множество оттенков; фонологически это не аффрикаты, как в белорусском, а очень палатализованные зубные, взрывные. Более слабая палатализация зубных в южно-

³ См.: Р. Ф. Пауфогима, Гласные фонемы переднего и среднего ряда в позиции между мягкими согласными под ударением в одном севернорусском говоре, ФН, 1964, 3; М. Н. Преображенская, Чередование *а* и *е* как фонетическое явление в вологодских говорах, ИАН ОЛЯ, 1965, 4.

⁴ «Вопросы теории лингвистической географии», стр. 14.

русских и севернорусских говорах никогда не приводит к такому результату. Вместе с тем, в северных говорах на пограничье со среднерусскими, например, во владимирских говорах, подобное произношение постепенно распространяется — и наоборот, в среднерусских говорах, окончательно отошедших от прежней севернорусской системы (некоторые калининские, смоленские, псковские и др.) прежде отмечаемая там фрикация /т'/ /д'/ теперь не регистрируется. В сибирских говорах среднерусского типа независимо от европейских среднерусских развивается подобная же фрикация палатализованных смычных зубных согласных.

На всей территории распространения среднерусских, а также в некоторых соседних с ними северных и южных говорах на месте палатализованных /с'/, /з'/ слышится мягкий, переходящий в шепелявое [с^{м.}], [з^{м.}] (в транскрипции [с'] [з']): ко[с'ил] [с'е]но, [д'ес'ат]ый, в[с'о], [с'л'е]ной и т. д. Такое произношение возможно только в говорах с отвердевшими пишущими, поэтому указанные фонемы не пересекаются с ними, однофокусные альвеолярные /с"/, /з"/ всегда отграничены от двуфокусных пишущих /ш/, /ж/ и от зубных /с/, /з/. Отличие от палатализованных свистящих типа литературных /с'/, /з'/ заключается в отсутствии «йотовой артикуляции». Поэтому-то наблюдатели часто воспринимают /с"/, /з"/ как полумягкие или даже твердые. Такое расхождение между действительным и реально воспринимаемым носителем литературного языка произношением обратным образом указывает на попытку выработать какой-то новый, ранее несвойственный диалектной системе более четкий принцип различения «мягких» и «твердых» согласных: в литературном языке это действительно различие по мягкости — твердости, а в говоре различие тех же фонем идет по другому признаку (по месту образования).

Наконец, в тех же среднерусских говорах вместо характерного для архаических говоров севернорусского типа произношения [кы]слый, [гы]бель распространяется произношение [т'и]слый, [д'и]бель.

Как бы мы ни относились к различным принципам составления диалектных карт Московской диалектологической комиссии и нового академического Атласа, сравнение границ среднерусских говоров на карте 1915 г. и теперь⁸ показывает, что за половину века территория распространения говоров со среднерусскими особенностями неуклонно увеличивалась и притом преимущественно за счет севернорусского наречия.

Если иметь в виду даже самые северные говоры Европейской части РСФСР, не имеющие непосредственного контакта с южнорусским наречием, и даже севернорусские по происхождению говоры Сибири и Дальнего Востока (все они отражают тот же путь изменения), окажется, что исконные севернорусские говоры на всем пространстве их распространения независимо от типа контактирующих систем имеют общую тенденцию к переходу в среднерусский тип.

Среднерусские говоры справедливо не получили статуса самостоятельного наречия, потому что внешним образом они напоминают просторечие, а внутренне представляют собою наиболее динамичную сферу национального языка. В среднерусских говорах, подобно просторечию, больше, чем в севернорусских или южнорусских, чуждых литературной норме продуктивных диалектных особенностей, которые утратили связь с определенными территориями и стали в некотором смысле общерусскими; они и отражают общерусские тенденции фонетического изменения. Динамичность среднерусских говоров определяется постоянным движением диалектной системы в сторону изменяющейся общерусской нормы. В деталях эта норма не совпадает с канонической литературной, поскольку гораздо последова-

⁸ См.: «Русская диалектология», М., 1964.

тельнее реализует общерусские тенденции фонологического развития. Например, в соответствии с этими тенденциями древнерусская аффриката /ш'т'ш'/, в современном русском языке ставшая сочетанием двух фонем, во всех типах говоров дает именно /шш/ ([шш'у́к'и] [ишш'эз'т'и]), а не сохраняет, подобно литературному канону, позиционные (или факультативные) варианты типа [ш'ш'] и особенно [ш'ч'].

В этом смысле характерны и приведенные выше субституты палатализованных фонем литературного языка. В среднерусских говорах с противопоставлением /т/ — /т'с'/, /д/ — /д'с'/, /с/ — /с'м'/, /з/ — /з'ж'/, /к/ — /к'/, /г/ — /д'/ отражено становление общерусской корреляции согласных по мягкости — твердости, которая до недавнего времени отсутствовала в севернорусских диалектных системах⁶, определив, между прочим, все синтагматические особенности вокализма. Реализации /т'/ как [т'с'], /с'/ как [с'м'] и т. д. — это и есть вторичные диалектные признаки, характерные для развивающейся диалектной системы.

Вторичный признак включается в конкретную диалектную систему и приобретает фонологические характеристики. В одном и том же фонетическом контексте одинаково отличая от литературной особенность может реализоваться как основной или вторичный или даже просторечный признак. Произношение среднеязычных [h̥] [h̥] на месте /к'/, /г'/ после исконно палатальных согласных — основной диалектный признак; произношение заднеязычных среднеязычных [к'] [г'] в том же сочетании — вторичный диалектный признак; произношение заднеязычных заднеязычных [к] [г] с продвижением последующего гласного вперед — признак просторечия:

	«Олька»	«Ольга»
Основной признак	[ol'h̥a]	[ol'h̥a]
Вторичный признак	[ol'k'ä]	[ol'g'ä]
Признак просторечия	[ol'kä]	[ol'gä]

Среднеязычные на месте /к'/, /г'/ фонетически представляют собою палатализованные [т'] [д']. Можно предполагать и диалектное произношение среднеязычных [с'] [з'] на месте литературных /с'/, /з'/. Однако собиратели пишут о шепелявом произношении этих свистящих, отмечая даже их полумягкость, т. е. подчеркивают вторичные фонетические признаки, ничего не говоря о возможных основных, присущих диалектной системе. Не исключено, что на каком-то этапе развития говора все обсуждаемые здесь согласные являлись палатальными, т. е. среднеязычными по месту образования. Косвенно на это указывает не только произношение типа [bd'h̥a], но и наличие палатальных /н'/, /л'/ при отсутствии йота в наиболее архаических диалектных системах⁷. Это основные диалектные признаки, но они не всегда отражаются в записях, потому что диалектолог не делает различия между основными и вторичными признаками: различие /н/ — /н'/ как /н/ — /н'/ и различие /с/ — /с'/ как /с/ — /с'м'/ он ставит в один ряд, хотя в первом случае сохранилось старое различие, а во втором произошло изменение в средствах различения.

Таким образом, палатальные [h̥] соотносятся с общей системой диалектного консонантизма, тогда как заднеязычные [к'г'], являясь субститутами литературных /к'/, /г'/, уже разрушают целостность исходной диалектной

⁶ См.: К. В. Горшков, Очерки исторической диалектологии Северной Руси, М., 1968.

⁷ См. также: «Экспериментально-фонетическое изучение русских говоров», М., 1969, стр. 64 и сл.

системы и включают в нее новый признак, связанный с дополнительной йотовой артикуляцией. Это постепенно приводит к разрушению палатального ряда, следовательно, является преобразованием на фонологическом уровне. В отличие от этого, литературному [ól'ka], [ól'ga] в просторечии может соответствовать [ól'kä], [ól'gä]. Аллофон [ä], возможный в системе литературного языка, встречается в позиции, в которой он недопустим согласно литературной норме — после прежнего средняязычного, а не между двумя мягкими согласными. Исходная диалектная особенность выражена факультативно и притом возможностями самого литературного языка и по этой причине не является ни фонологической, ни диалектной.

Далее, сопоставляя фонетические эквиваленты литературным /t'd'/, /c'z'/, /k'g'/, видим, что их противопоставление непалатализованным парным согласным осуществляется по разным признакам: /t/ — /t'/ противопоставлены по способу образования ([t] — [t'^{c'}]), /k/ — /k'/ — по месту образования ([k] — [t'^{n'}]), /c/ — /c'/ также по месту образования, но с двумя смещенными точками ([c'] — однофокусный альвеолярный). Место образования как основной признак, субституирующий литературную йотовую артикуляцию, избрано по той причине, что в самой диалектной системе по этому признаку уже строились сходные исконные противопоставления типа /n/ — /n'/ или /l/ — /l'/. Кроме того, в исходной системе имелись и другие противопоставления по месту и способу образования (ср. /k/ — /t'/ и под.), но они не охватывали конкретно данных, интересующих нас здесь элементов системы, т. е. [t] — [t'] (так как перед этим /ц'/ > /ч'/), [c] — [c'^{м'}] (так как несколько раньше /ш'/ > /щ'/), [k] — [t] и пр., а различие между альвеолярным и дорсальным образованием являлось чисто фонетическим.

Когда же возникла потребность в реализации нового противопоставления, диалектная система на первых порах использовала собственные возможности. Отработка нового различительного признака происходит путем совмещения фонетически различных, но фонологически непротиворечивых признаков. Это не что иное, как фонетическая субституция, определяемая возможностями самой диалектной системы, усиление различительной силы прежнего аллофона или, говоря столь же описательно, сосредоточение внимания на признаке, прежде несущественном. Если рассматриваемым вторичным признакам или части их действительно предшествовали диалектные единицы палатального ряда, то фонетически ассимиляция представляет собою разложение палатальных («сверхмягких») в интересах их совпадения с позиционно смягченными («полумягкими»), которые становятся «мягкими»⁸. В таком случае этот первый этап фонематического изменения представляет собою не просто совмещение прежних аллофонов [c'] и [c'^{м'}] в фонеме /c'^{м'}/, противопоставленной /c/ (ср. *нель*[z'a] — [z'ä] *бнуть* — [zä] *тра* > *нель*[z'^{ж'}a] и [z'^{ж'}a] *бнуть*, но [zä] *тра*), но и разрушение палатального ряда, без чего невозможно в дальнейшем образование общего различительного признака по «йотовой артикуляции». Объективно, таким образом, противопоставление фонем имеется с самого начала, поскольку указанные единицы употребляются в одинаковых фонетических условиях: [zat] — [z'^{ж'}at], [tak] — [t'^{c'}ak] «тяг» и т. д.

Так как в данном случае постепенно образуется коррелятивная цепь, должны быть и объективные проявления вновь образующихся отношений.

⁸ Эту фонетическую сторону изменения представители разных фонологических школ могли бы обработать терминологически самым различным образом. В данной статье намеренно принята традиционная для диалектологической литературы форма изложения.

Они и появляются в виде нейтрализации противопоставления по признаку, лежащему в основе оппозиции: в слабой позиции (в конце слова и перед передними гласными) возможен только немаркированный член оппозиции. В литературе хорошо описано несколько среднерусских говоров с «отвердением» /т'/, /с'/, /к'/ в слабой позиции. Фонологически это нейтрализация вновь возникающей оппозиции. Новое для диалектной системы здесь в том, что возникает позиция неразличения фонемного противопоставления — объективное указание на то, что такое противопоставление действительно возникло. Особенности диалектной системы диктуются и установление типов слабой позиции: в литературном языке неразличение /т'/ — /т'/ возможно только перед /е/ и перед некоторыми согласными, а в говоре — перед всеми немаркированными гласными, т. е. перед передними гласными и перед вокалическим нулем (= конец слова). Строго говоря, это еще не завершенная корреляция, поскольку коррелятивные цепи организируются на основе общего для всех пар различительного признака, а вновь возникшее диалектное соотношение согласных такого признака пока не имеет⁹.

Особенно выразительно это показывают губные согласные, которые позже всех остальных включаются в корреляцию по мягкости — твердости. Происходит это потому, что у губных по сравнению с язычными дольше сохраняется преобладание слабых позиций над сильными (например, позиция конца слова). Фонетическим эквивалентом литературному противопоставлению /п/ — /п'/ в такой системе является [p:] — [pi] [pa]na — [pi'a]mий. Поскольку в говоре с падательным рядом (а все севернорусские говоры в конечном счете восходят к такой системе) йот не является самостоятельной фонемой, при образовании корреляции по данному признаку йот используется в качестве линейного различительного признака, субституирующего «йотовую артикуляцию» литературного языка. Для губных согласных — это и есть единственная возможность субституции, определяемая диалектной системой, она и используется, пополняя инвентарь возможных фонетических средств субституции одного и того же фонемного противопоставления, средства, как и все прочие, не выходящего за пределы возможностей самой диалектной системы. Запаздывание противопоставлений типа /п/ — /п'/ связано с характером субституции: не один элемент, а два элемента, линейное сочетание. Впоследствии, после отработки общего различительного признака, эта субституция разрушается, вернее, лишается своей различительной силы, уходя в область фонетического варьирования, потому что и в литературном языке мягкость губного фонетически определяется характером перехода к следующему гласному¹⁰. Следовательно, уже сама отмеченность различения двух единиц ([p]) — [pi], его осознанность делает его фонематическим фактом — с точки зрения диалектной системы.

Описанное здесь изменение зафиксировано, например, в пустошеском говоре Владимирской области: еще Д. В. Бурних отмечал дифтонгоиды *iä, iö iü* после «мягких» согласных, а повторное изучение этого говора 45

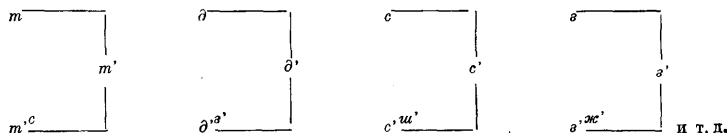
⁹ По указанным причинам квалификацию вторичных диалектных признаков как собственно фонетических, а не фонологических следует признать недостаточной (см. «Вопросы теории лингвистической географии», стр. 40 — о [с^{мв}], [з^{мв}], или «Экспериментально-фонетические исследования русских говоров», стр. 86 — о *цеканье* и т. д.). По-видимому, в диалектной системе вторичный признак всегда определяется (по сравнению с литературным языком) иным позиционным распределением, а иногда и иным набором ДП, т. е. синтагматически и парадигматически отличается от литературных эквивалентов.

¹⁰ См.: Л. Р. Зиндер, Л. В. Бондарко, Л. А. Вербицкая, Акустическая характеристика различия твердых и мягких согласных в русском языке, «Вопросы фонетики», Л., 1964.

лет спустя обнаружило полное соответствие литературной норме, т. е. противопоставление типа /п/ — /п'/¹¹.

Соединяя все типы «мягкостной субституции» говора в одну систему, можно выявить общее для всех них свойство: они действительно нацелены на реализацию нового фонемного противопоставления, которое уже имеется в изменившейся диалектной системе, и с этой точки зрения они фонематичны. Чтобы отработать общий для всего коррелирующего ряда различительный признак, сначала необходимо разрушить сходный с ним или адекватный ему старый признак, который в изменившихся условиях становится узколокальным и ограниченным по своей различительной силе. В приведенном примере: на пути образования общего различительного признака по мягкости — твердости стоит противопоставление среднеязычных согласных другим группам согласных.

Общий признак противопоставления появляется на следующем этапе в результате отработки аллофонного варьирования. В данном случае речь идет о дополнительной йотовой артикуляции, которая представляет собою обычный для литературного языка коррелят противопоставления по мягкости — твердости. В среднерусских говорах, утрачивающих фрикацию палатализованных зубных, наряду с [t'c'] и под. позиционно возможны [t'] и под. Например, в слабой позиции становится возможным палатализованный вариант соответствующего согласного; по своему признаку именно он и является общим для всех противопоставлений:

Общий фонетический коррелят нового дифференциального признака формируется в слабой позиции — парадоксальный факт, уже замеченный специалистами по исторической фонологии. Только после этого происходит перераспределение позиций по общерусскому типу с одновременным ограничением числа слабых позиций. Изменение завершается утратой (сначала, может быть, факультативной) вторичных диалектных признаков и на фонетическом уровне.

Дальнейшие изменения касаются уже обогащения коррелятивной цепи. В корреляцию включаются все новые и новые пары. Разная степень развития говора определяется, между прочим, и количеством таких пар. При этом характерно,¹ что отличающиеся по своим признакам эквиваленты литературных фонем изменяют свое качество сначала у палатализованного парного согласного. Хорошо известно, например, что в противопоставлении билабиальных /w/ — /w'/ губно-зубную артикуляцию раньше всего получает /w'/: образуется противопоставление /w/ — /w'/ . То же самое в оппозиции /l/ — /l'/: она может заменяться на /l/ — /l'/ . В южнорусских говорах замена /y/ на /г/ также начинается с парного палатализованного, и в переходных системах возможно отношение /y/ — /г'/ . Замена апикальной артикуляции на дорсальную у переднеязычных согласных также преж-

¹¹ Д. В. Б у б р и х, Фонетические особенности говора с. Пустошей, ИОРЯС, XVIII, 4, 1913, стр. 334—335; А. С. Б е д н я к о в, О некоторых фонетических явлениях в говоре с. Пустошей, «Уч. зап. МОПИ», 48, Труды кафедры русского языка, 4, 1957.

де всего касается палатализованных членов противопоставления. Став всеобщей коррелятивной связью, противопоставление по мягкости — твердости перекрывает многие другие диалектные особенности и направляет развитие диалектной системы по общерусскому типу. Однако последовательность изменения имеет общую закономерность: никогда одновременно не изменяется больше, чем один признак, и всегда сначала изменяется более важный признак.

Рассмотренную здесь последовательность развития можно иллюстрировать и на других особенностях среднерусских говоров, а также на говорах, отражающих начальные стадии отхода от севернорусской системы. Приведенные примеры развития вторичных признаков в фонемном составе отдельных слов (произношение слов типа *Олька*, *Ольга*) или в образовании новых для говора коррелятивных цепей (формирование оппозиции по мягкости — твердости) представляют собою крайние по важности типы развития отдельной конкретной системы: наиболее существенны вторые, тогда как первые — наименее значительны.

Аналогично происходит развитие вторичных признаков при синтагматических изменениях фонем, при замене ДП в одиночном противопоставлении, при изменении принципов аллофонного варьирования и т. д. Все это — частные случаи образования коррелятивного ряда, они повторяют один из этапов этого изменения.

Примером синтагматического изменения фонем является распространение аканья. В безударных слогах в положении после твердых согласных неверхние гласные получают позицию неразличия: /o/ и /a/ совпадают в /a/. В отличие от предыдущего изменения, здесь преобразование начинается сразу со второго этапа; это и естественно, потому что при образовании коррелятивного ряда вторым этапом является синтагматическое изменение. Пример с развитием аканья в среднерусских говорах показателен в том отношении, что оканье относится к числу наиболее устойчивых диалектных черт. Особый характер ударения и принципиально иное, чем в акающих говорах, соотношение между гласным и согласным в слоге препятствует воздействию акающего говора на окающий. Развитие аканья также определяется последовательными изменениями самой окающей системы вокализма.

Прежде всего, происходит изменение характера ударения с образованием относительно слабых и относительно сильных слогов (редукция). Такое положение наблюдается в среднерусских говорах с неполным оканьем. На этой основе развивается редукция заударного, а затем и преударного /o/, которая не нарушает принципа оканья, потому что /o/ и /a/ по-прежнему различаются в безударных слогах. Однако редукция подготавливает переход к неразличию /a/ и /o/, потому что старое противопоставление [a] — [o] сменяется фонетически более слабым противопоставлением [a] — [ɐ] ([ɐ] и [a] близки артикуляторно и акустически и в некоторых позициях могут чередоваться друг с другом). Неопределенность такого коррелята фонемы /o/ приводит к колебаниям в записях: его обозначают иногда как [ɐ], [a²], [o²]. Говоры с таким «ослабленным» противопоставлением безударных /a/ и /o/ отмечены в южной части Вологодской области, на юге Кировской и Пермской областей, в Костромской и Ярославской областях, в Удмуртской АССР. В более южных частях восточных среднерусских говоров наблюдается следующий этап изменения — появление [a] на месте /o/ только перед ударным /a/ (шатурский тип ассимилятивного аканья, распространенный в говорах к востоку от Москвы, в Калининской области, в Саратовском Заволжье и т. д.). Говоры Псковской области дают и другие типы возможной отработки аллофонного варьирования, т. е. другие этапы развития нового аканья. Полновское и гдовское аканье также образуют

позиции неразличения в предударном слоге в зависимости от следующего гласного: в Гдовском районе перед верхними и нижним, в Полновском — перед верхними. В некоторых сибирских говорах среднерусского типа /o/ и /a/ различаются только в слоге перед ударным /o/. На основании диалектологических данных можно предполагать, что и более южные псковские говоры совсем недавно характеризовались аканьем гдовского типа, но теперь здесь распространено уже сильное аканье. Другими словами, в этих говорах окончательно сформировалось неразличение /o/ и /a/ во всех безударных слогах. В начале века отмечалось различение предударных /o/ и /a/ как [ǝ] и [a] в говорах Калининской области, а теперь эти говоры — акающие.

Таким образом, на основе качественной редукции безударных гласных (вторичный диалектный признак) постепенно утрачиваются качественные различия между гласными в этой позиции. Раньше всего совпадение /o/ и /a/ происходит в заударной позиции, но и здесь не может быть речи о чисто количественной редукции заударного /o/, несмотря на его записи как [ǝ]: [с'йлам] — [хл'эбом]. Количественная редукция последовательно охватила бы все гласные в данной позиции, а не только /o/. Еще О. Брок показал, что [ǝ] в такой записи обозначает ненапряженное [o], но все-таки /o/ ¹². Качественная редукция уменьшает напряженность артикуляции, а это приводит к последующим изменениям безударных гласных, начиная с широкого аллофонного их варьирования (/o/ как [oʏ], [o], [o^a], [ǝ^o], [a^o]). Фонологический смысл этого изменения достаточно ясен: ни в одной позиции невозможна утрата сразу двух признаков, дифференцирующих /o/ и /a/ — сначала нейтрализуется более важный для системы признак лабиальности (качественная редукция в оппозиции [a^a] — [a]), затем — подъема (аканье: [a] — [ǝ]). Обаяние графического знака не должно приводить к недоразумениям: [ǝ] — это только более или менее удачная попытка передать нелабиализованный гласный среднего образования и среднего ряда.

При замене ДП в одиночном противопоставлении сталкиваемся с теми же особенностями, которые характеризуют начальные этапы становления коррелятивного ряда. Пределы аллофонного варьирования также ограничиваются характером и системой дифференциальных признаков. В севернорусских говорах нейтрализация $\begin{matrix} \text{z} \\ \text{k} \end{matrix} > \text{k}$ выделяет /x/ из числа фонем, парных по признаку голоса, что приводит к широкому варьированию /x/, к большому разбросу факультативных и позиционных аллофонов, а вместе с тем и к позиционным изменениям согласных в соседстве с ним. Наоборот,

в южнорусских говорах нейтрализация $\begin{matrix} \text{r} \\ \text{x} \end{matrix} > \text{x}$ выделяет из коррелятивного ряда по данному признаку фонему /k/ — с аналогичными последствиями. Эти последствия оказываются существенными в дальнейших преобразованиях оппозиции. Севернорусские говоры в южнорусском окружении дают [ɣ] как аллофон фонемы /r/; южнорусские говоры в севернорусском окружении дают [r] как аллофон /ɣ/. Однако в обоих случаях аллофонное распределение подчиняется общим правилам: [r] — аллофон фонемы в сочетании с согласным, [ɣ] — аллофон фонемы в сочетании с гласным (иногда также в сочетании с сорванным), ср. [ɣǝдък] — [rǝдък] — [rd'e]. Особенно интересны южнорусские говоры с заменой /ɣ/ на /r/: общерусский эквивалент появляется здесь прежде всего в слабой позиции. Это вторичный диалектный признак, на котором строится все дальнейшее фонемное преобразование, приводящее в конечном счете к появлению оппозиции /r/ — /k/. При этом

¹² См.: О. Брок, Описание одного говора из юго-западной части Тотемского уезда, Сб. ОРЯС, LXXXIII, 1907, стр. 11.

в качестве просторечной особенности еще долго может сохраняться старый член оппозиции /x/ — /г/ в позиции неразличения, т. е. /x/.

Этот пример снова возвращает нас к разграничению основных и вторичных диалектных признаков.

Таким образом, фонологические признаки говора входят в одну из двух групп признаков, не совпадающих с орфоэпической нормой общенационального языка — основных или вторичных. Приведенные выше примеры возможных изменений диалектной системы показывают, что в результате таких изменений сохраняется специфически диалектная система, отличающаяся от литературной. Она определяется свойственной ей суммой основных и вторичных диалектных признаков, указывающих на разные пути и различную интенсивность разрушения исходной диалектной системы. Преимущество такого подхода к синхронному описанию диалектной системы заключается в возможности совместить в описании ее архаические особенности и признаки, указывающие на сближение говора с литературной нормой, не ограничиваясь (в зависимости от целей исследования) только теми или другими. Различение основных и вторичных признаков позволяет описать систему изнутри и вместе с тем представить основные линии ее фонологического развития.

Названные типы фонологических признаков имеют существенные различия, которые можно сформулировать следующим образом.

Основной диалектный признак — особенность исходной фонологической системы с характерным для данного говора фонетическим выражением этой системы. Пример: различение /o/ и /a/ во всех позициях (окаянь) или противопоставление /к/ — /г/ в севернорусских говорах — с характерными для этих оппозиций фонетическими коррелятами и вытекающими из этого правилами аллофонного варьирования.

Вторичный диалектный признак — новый элемент фонологической системы, выраженный старыми, свойственными диалекту, фонетическими средствами. Пример: утрата ДП по лабиализации в противопоставлении /o/ — /a/, но отсутствие нейтрализации в пользу одного из членов оппозиции.

На всех этапах анализа необходимо строгое разграничение фонемного и аллофонного уровней и одинаковое внимание к ним обоим. Их выделение облегчается фактом совмещения двух самостоятельных систем с характерными для каждой из них различительными средствами; нужно иметь в виду, что аллофонное варьирование одной системы может оказаться противопоставлением фонем в другой и наоборот. Конкретное описание таких особенностей удобно вести на уровне дифференциальных признаков и их фонетических коррелятов — их наличие или отсутствие определяет и пределы аллофонного варьирования, и фонемный статус отдельных единиц системы. Именно в таком смысле и существенно разграничение вторичных и основных признаков диалекта.

Основные признаки определяются фонологической системой данного говора и имеют свое аллофонное варьирование (легко обнаруживаемое при сопоставлении с аллофонным варьированием в литературной системе). Вторичные же признаки, возникая из столкновения с другой системой основных признаков, представляют собою результат субституции вновь образующихся фонологических отношений. Это определяет важнейшее отличие вторичного диалектного признака: масса переходных фонетических вариантов, в том числе и позиционно обусловленных, и факультативных. Так, утрата мягкого цоканья происходит в говорах различными путями, но общим в обработке оппозиции /ч'/ — /ц/ является то, что данное противопоставление, войдя в систему говора, фонетически выражается отличным от литературного языка образом, например, противопоставлением в сильной

позиции [т"] — [ц'] или [т"] — [ц] или [ч'] — [ц']. Неопределенность субституции объясняет многообразие вариаций и в слабых позициях. В столкновении с литературной нормой происходит не простое «навязывание» говору новой системы противопоставлений — литературная система как авторитетный представитель национального языка определяет характер оппозиций, а диалектная система выявляет возможности выражения этой новой системы.

Не должно возникнуть впечатления, будто вторичные диалектные признаки возникают только под влиянием внешних факторов, в результате столкновения двух систем. Сама диалектная система продолжает развиваться, в новых условиях спонтанно образуя «внутренние» вторичные признаки. Пересечение основных и вторичных признаков — сложная сеть фонологических и фонетических факторов изменяющейся системы. Стержнем, объединяющим разного происхождения вторичные признаки, являются общерусские тенденции языкового развития.

Сказанным определяется еще одна особенность вторичных диалектных признаков: они не имеют четких синхронных изоглосс. Если тем не менее большинство таких признаков, — хотя и не компактно, с разрывами, указывающими на различную интенсивность изменения, — сосредоточено на территории распространения среднерусских говоров, это не противоречит сказанному. Среднерусские говоры в массе своей представляют собою переходные к общерусской системе говоры. В этом, между прочим, их особое значение в образовании общенационального эталона — литературного языка. Среднерусскими являются не только подмосковные или калининские говоры — такими же среднерусскими следует считать все прочие, например, сибирские или дальневосточные говоры со сходной суммой вторичных признаков. Историческая тенденция достаточно ясна: все большее число севернорусских по происхождению говоров становится и будет становиться среднерусскими.

Отсутствие изоглосс вторичных признаков объясняется разнонаправленностью и одновременностью развития отдельных сторон конкретной диалектной системы. Данной особенностью вторичные признаки также сближаются с просторечными, которые и пополняются в основном за счет вторичных признаков говора. Однако с фонологической точки зрения основные и вторичные диалектные признаки одинаково противопоставлены признакам просторечия и литературной нормы, которые не формируют диалектную систему. Если последовательно развить эту мысль, окажется, что все описанные выше этапы диалектного изменения объясняются и контролируются не столкновением говора с литературной нормой или с соседним говором, как обычно признается¹⁸, а общерусской тенденцией к определенной системе противопоставлений. Выявление вторичных диалектных признаков как частных случаев всегда связано с осуществлением общерусских тенденций развития.

Якающие говоры переселенцев с юга, длительное время находившиеся в севернорусской екающей среде, развивают не ожидаемое в таком случае севернорусское еканье, а иканье. Хотя в некоторых случаях в качестве переходного этапа и отмечается «еканье», но это скорее переходное различие

¹⁸ В других случаях указывается на результат столкновения русских говоров с неславянским субстратом как на возможную причину соответствующих изменений (шепелявого произношения /с'/, /з'/, фрикации при /т'/, /д'/ и под.). Ср.: Р. И. А в а н е с о в, Вопросы лингвогеографии русских говоров центральных областей, ИАН ОЛЯ, 1952, 2, стр. 170. Те же изменения как результат столкновения южнорусских и севернорусских говоров объясняет В. Г. О р л о в а в статье «Русско-белорусские языковые отношения по данным диалектологических атласов» («Материалы и исследования по русской диалектологии», Новая серия, II, М., 1961, стр. 7).

/а/—/и/ в безударном слоге¹⁴. Так же изменяется и севернорусский говор в соседстве с южнорусским или даже с украинским¹⁵ — развитие безударного вокализма после мягких согласных идет в сторону иканья, т. е. к полной утрате всякого различия безударных гласных в положении после маркированного по основной оппозиции согласного. Изменения вокализма начинаются после окончательной отработки новых консонантных различий, в любой конкретной системе русского языка являющихся основными. Другими словами, последовательность субституций в говоре диктуется относительной важностью изменения — механическое «вливание» литературного языка не требовало бы такой избирательности со стороны фонологической диалектной системы. Приведенные в статье примеры свидетельствуют о том же: общее направление диалектного развития и последовательность этапов этого развития заданы общерусской тенденцией.

При разграничении основных и вторичных признаков говора не всегда можно довольствоваться сведениями об общем направлении диалектного развития в связи с общей линией развития фонологической системы общенационального литературного языка¹⁶. Приходится проводить и ряд дополнительных исследований. Исходная система говора довольно точно определяется на основе изучения исторических памятников, старых диалектных записей данного говора, на основе внутренней реконструкции современного говора в его сопоставлении с родственными. Каждая из этих проблем может стать темой самостоятельной статьи. Совпадение всех полученных таким образом данных оказывается существенным в установлении важных особенностей исходной фонологической системы.

Имеется еще одна возможность определения интенсивности в развитии вторичных признаков: статистическое обследование говора. В Дорошевичский видел в таком исследовании даже возможность определить «диахронический коэффициент» говора (на фонематическом уровне) и предлагал метод картографирования статистических данных¹⁷. Статистический подсчет аллофонного варьирования в диалектной речи ряда носителей говора в разных условиях говорения с позиционным разграничением и при учете фонологической системы говора в целом дает количественные характеристики разных диалектных признаков, их функциональное отношение друг к другу, определяет их относительную дифференцирующую силу, — другими словами, позволяет представить реальную систему говора с тенденциями ее развития. Не случайно Л. И. Баранникова, интересуясь путями диалектного развития, не смогла пройти мимо статистической обработки диалектных записей и дала удачный образец подобного исследования¹⁸.

¹⁴ См.: В. А. Лебедева, Говоры восточной части Дергачевского района Саратовской области. Автореф. канд. диссерт., Саратов, 1952; Б. В. Попов, О судьбах южнорусских фонетических диалектизмов в севернорусской среде, «Уч. зап. Пензенск. пед. ин-та», 5, 1958; В. Н. Светлова, Фонетические особенности говоров Исетского района Тюменской области, «Уч. зап. Тюменск. пед. ин-та», 21, 3, 1963; Е. Н. Стрелкова, Переселенческий говор Верх-Убинского района Восточно-Казахстанской области в севернорусском окружении. Автореф. канд. диссерт., М., 1954; Е. С. Фетисова, Развитие южновеликорусского говора в северновеликорусском языковом окружении, «Труды Университета дружбы народов им. П. Лумумбы», XXIX, 1968, и мн. др. работы.

¹⁵ См., например: З. П. Здобнова, К типологии русских говоров на территории Башкирии, «Русский язык в Башкирии», Уфа, 1968; Ф. П. Сергеев, Южно-русский говор Сарпинского и Красноармейского районов Волгоградской области. Автореф. канд. диссерт., М., 1956; М. Н. Шабалин, Русский говор на юго-востоке Кубани. Автореф. канд. диссерт., М., 1952, и мн. др.

¹⁶ См.: К. В. Горщикова, Основные тенденции развития фонетической системы русского языка, «Р. яз. в шк.», 1964, 5.

¹⁷ W. D o g o s z e w s k i, Pour une représentation statistique des isoglosses, BSLP, XXXVI, 106, 1, 1935, стр. 28—42.

¹⁸ Л. И. Баранникова, Русские народные говоры в советский период, Саратов, 1967.

Описание единиц диалектной системы в их иерархии кажется перспективным еще в одном отношении: последовательно и всесторонне проведенное, оно позволит решить вопрос о квалификации многих диалектных явлений, в последние годы так плодотворно зафиксированных в научной литературе. Многие недавние открытия преимущественно касаются именно вторичных диалектных признаков, т. е. свидетельствуют о современном этапе развития говора. Поразительный факт их обнаружения в наши дни объясняется не невнимательностью прежних собирателей, а тем, что современные говоры находятся на ином этапе развития.
